

1306 км
ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 45

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
5 НОЯБРЯ

Рис. Ре-ми.

и. Р. 15

„По одной изъ желѣзныхъ дорогъ какимъ-то невѣдомымъ образомъ, вмѣсто ожидаемой партіи овса, прибылъ вагонъ, груженный фіалками“.
(Изъ газетъ.)

Желѣзнодорожникъ: — Вы спрашиваете, почему, вмѣсто овса, именно фіалки? Да вѣдь онѣ такъ мило своимъ ароматомъ заглушаютъ зловоніе павшей отъ бескормицы лошади...

Изъ рѣчи Вильгельма: „Германія будетъ хозяйномъ міра, а ея союзники — ея подручными“.

Подручные Германіи.

В С К О Л Ъ З Ъ.

Когда въ тѣ дни меня предупреждали,
Что, можетъ быть, чрезъ 10 только лѣтъ,
Нахмуренныя прояснятся дали,
Казалось мнѣ, что это — невозможно.
Такъ долго ждать, и я твердилъ въ отвѣтъ:
— Нѣтъ, нѣтъ, друзья! Не можетъ быть! Нѣтъ, нѣтъ!
Предположеніе ваше слишкомъ ложно,
Чтобъ можно было вѣрить вамъ, друзья!
Нѣтъ! Ни за что вамъ не повѣрю я!..

Но вотъ тѣ дни прошли и отшумѣли;
Не воскресить промчавшагося дня:
Мечты — угасли, въ истомленномъ тѣлѣ —
Ни прежнихъ силъ, ни прежняго огня!
А вокругъ, какъ встарь, и холодъ, и метели,
И злая тьма...

И ясно для меня:
Спать подо льдомъ застывшія озера,
И если что и будетъ, то — нескоро.

Но если нынче кто-нибудь мнѣ скажетъ,
Что только черезъ 20 долгихъ лѣтъ
Гнилой туманъ, осѣвши, наземь ляжетъ,
И будетъ свѣтъ, —
Я не скажу, что это — невозможно.
Такъ долго ждать грядущаго... О, нѣтъ!
Я буду ждать, надѣясь непреложно,
Воспрянувшю вѣрою согрѣтъ,
Хоть 30 лѣтъ!
Хоть 49 лѣтъ!!

В. Князевъ.

ДОБРЫЕ КАЛИФОРНІЙСКІЕ НРАВЫ.

Предварительное обращеніе къ военной цензурѣ.

Дорогая военная цензура!

Разрѣши, пожалуйста, мнѣ написать то, что я хочу; и не только написать, но и напечатать. Вѣдь ты понимаешь, что то, о чемъ я мечтаю ниже, настолько невѣроятно, настолько нежизненно, настолько не подходитъ къ нашей русской обстановкѣ и быту, что объяснить мои «мечты» подстрекательствомъ — можетъ только человѣкъ, имѣющій что-либо противъ меня лично. А такъ какъ военная цензура не должна имѣть на меня сердца (не давалъ повода) — то твердо надѣюсь, что и все ниженаписанное увидитъ свѣтъ.

Любящій васъ Арк. Ав.

Отрывокъ изъ Бретъ-Гарта.

...Нѣсколько всадниковъ съ суровыми мрачными лицами подсакали въ хижинѣ конокрада Джо Мастерса изъ Красныхъ Утесовъ — и спѣшились.

— Эй, Джо! Выходи! — закричалъ предводитель, стуча въ толстую сосновую дверь рукояткой кинжала.

На порогъ показалась молодцеватая фигура Джо Мастерса съ двумя пистолетами въ рукахъ, но когда онъ увидѣлъ выраженіе лицъ пріѣхавшихъ — руки его опустились.

— А я не зналъ, кто пріѣхалъ — хотѣлъ защищаться. Значитъ, дѣло кончено?

— Да. Я — представитель комитета общественной безопасности. Ты молодчина, Джо, и видно, что уважаешь судъ Линча... Видишь ли, противъ тебя показали два уважаемыхъ гражданина Ревущаго Стана: мистеръ Кентукъ и мистеръ Пигсби... Дѣло вѣрное.

— Что жъ, — пожалъ плечами Джо. — Игра проиграна! Онъ бросилъ пистолеты и задумчиво направился къ дереву, на одной изъ нижнихъ вѣтвей котораго два рудокопа прилаживали тонкую волосяную веревку съ петлей на концѣ...

Существующій порядокъ въ Россіи.

— Саламаткинъ! Свидѣтельскими показаніями полиція установила, что ты продаешь недопеченный хлѣбъ. Недопекаешь его ты для того, чтобы онъ больше тянулъ на вѣсахъ. Кромѣ того, ты берешь за него на 1½ копейки дороже противъ таксы. За это мы штрафуемъ тебя на 300 рублей.

— Ваше благородіе! Помилуйте! Подвозу нѣтъ, вагоновъ, шведскій транзитъ въ неисправности, волненіе въ Персіи — нешто намъ возможно выдержать?!..

— Кардамоновъ, взыщи съ него!

* * *

— Господинъ городской! Обратите ваше вниманіе на этого проклятаго извозчика № 100. Я выхожу изъ Литейнаго театра, нанимаю его въ Троицкій, а онъ съ меня за это рупь проситъ. Нешто это дѣло? Грабежъ это безформенный!

— Ты чего же это, а? Штрафу захотѣлъ? Вотъ я замѣчу твой подлецовскій номеръ, тебя тремя рублями штрафа и опрѣютъ...

— Господинъ городской! Нешто я какъ — по своей волѣ? Овесъ-то почему теперь, слышали? Хозяину я сколько долженъ привезти — слышали? 7 рублей. А вы — штрахъ. Штрахъ съ меня возьмете, я на другихъ сѣдокахъ отворачивать его долженъ. Городовой-то не всегда поблизу.

— Ну, ты, разговорился! Дайте ему, господинъ, полтину — предовольно съ него! Ыжай, анаема!

* * *

— Послушайте, господинъ банкиръ. У васъ тамъ какіе-то запасы овса оказались спрятанные. Не хорошо. Ну, какое, скажите, имѣетъ отношеніе овесъ къ банку? Правда, что по закону мы вамъ ничего не имѣемъ права сдѣлать, но совѣсть-то у васъ своя есть — или какъ?

Порядокъ, о которомъ мечтаетъ авторъ.

Къ дверямъ хлѣбной и бакалейной лавки Саламаткина, что на Загородномъ проспектѣ, подсакали нѣсколько всадниковъ съ мрачными рѣшительными лицами. Они спѣшились и, гремя шпорами, вошли въ лавку.

— Вы — Саламаткинъ? Хорошо. Мы — столичный комитетъ общественной безопасности, находящійся подъ покровительствомъ властей. Вотъ эти двое солидныхъ незапятнанныхъ пражданъ сдѣлали намъ заявленіе, что вы продали имъ совсѣмъ не пропеченный хлѣбъ, вредный для здоровья, при чемъ взяли за него на 1½ копейки болѣе противъ таксы.

— Штой-то, господа, — завопилъ Саламаткинъ, — подвозу нѣтъ, транзитъ изъ Персіи...

— Тсс!! — сурово сказалъ предводитель, зазвенѣвъ шпорами. — Имѣйте больше уваженія къ суду Линча!! Мистеръ Окурковъ, взять его! Мистеры Съдакинъ и Лялкинъ, у васъ уже приготовлена веревка на фонарномъ столбѣ?

— Готово, предводитель. Тутъ же на Загородномъ въ двухъ шагахъ. Уже много гражданъ съ нетерпѣніемъ ждутъ результата суда.

— Значитъ, формальности всѣ? Взять его!
Желѣзные руки схватили Саламаткина.

* * *

— Извозчикъ № 100! Это вы хотѣли взять съ этого сѣдока рубль за конецъ съ Литейнаго театра въ Троицкій?

— Да какъ же, господа, ежели будемъ говорить овесъ... опять же хозяинъ...

— Это насъ не касается. Свидѣтельство двухъ уважаемыхъ гражданъ имѣется? Фонарь крѣпкій? Значитъ всѣ формальности на лицо. Мистеръ Дерябкинъ — потрудитесь...

* * *

— Это коммисіонныя дѣла нашего банка и они васъ не касаются!! Нашъ овесъ — мы его купили и можемъ выпустить его на рынокъ, когда намъ заблагоразсудится. Вы не смѣете меня брать — нѣтъ такого закона...

Предводитель нагнулся съ взмыленнаго коня и заглянулъ прямо въ глаза банкиру.

— Нѣтъ, есть такой законъ, — холодно сказалъ онъ. — Калифорнійскій законъ — законъ Линча!

... Фонарь ласковымъ мирнымъ свѣтомъ освѣщалъ приближившееся къ нему недовольное лицо банкира...

И что будетъ послѣ введенія такого новаго порядка.

— Господинъ! Ежели вы находите, что этотъ хлѣбъ не совсѣмъ пропеченъ — я отрѣжу другой кусокъ.

— Нѣтъ, что вы! Хлѣбъ великолѣпно выпеченъ.

— А то скажите только. Потому тутъ у насъ такса вывѣшена; такъ мы съ ней не особенно считаемся: на копеечку все дешевле продаемъ. Все-таки, знаете, спокойнѣе — хе-хе!.. Мишка! Дверь открой господину.

* * *

— Извозчикъ! Къ Народному Дому — восемь гривенъ.

— Это съ угла-то Морской и Невскаго? Что вы, господинъ, — и половины довольно!

— Ну ты тоже скажешь! Бери шесть гривенъ.

— Да вѣдь ѣзды здѣсь хорошей 10—12 минутъ — за что жъ тутъ? Полтину извольте — больше никакъ невозможно! А то иначе и не поѣду.

* * *

— Слушайте, г. банкиръ! У меня есть партія овса. Вы понимаете, 800 вагоновъ по пустынной цѣнѣ. А если мы потихоньку перевеземъ его сюда да припрячемъ...

— Эй, кто тамъ! Илюшка, Семень! Гдѣ мой большой револьверъ... Держите этого субъекта, я сейчасъ буду стрѣлять ему между глазъ!!

— Ну, хорошо... Ну, вотъ я уже и ушелъ!.. Очень нужно кричать...

Аркадій Аверченко.

ПОЛЬЗА ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Гость. Скучно чтой-то, хозяинъ. Въ шашки играть бы, что ли...

Хозяинъ. Жаль: шашечная доска куда-то затерялась...

Гость (вынимая изъ кармана газету). Это не суть важно: въ сегодняшней газетѣ я сосчиталъ, какъ разъ столько бѣлыхъ и черныхъ квадратиковъ, сколько требуется для игры въ шашки.

Недотыкомка.

КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ.

Во время послѣдняго набора ландштурма на одной изъ берлинскихъ улицъ разговорились двѣ нѣмки:

— А вы знаете, моего сына забраковали.

— Почему?

— Зубовъ у него не оказалось.

— Такой старый?

— Да; ему 54 года.

— А моего сына тоже не взяли.

— Почему?

— Тоже зубовъ не оказалось.

— Сколько же ему лѣтъ?

— Годъ два мѣсяца.

КОРСИКАНА.

(Мотивъ для оперы Луччини.)

Джанетто Марью полюбилъ —

Оборвышъ Джанеттаччо —

Онъ цѣлый годъ за ней ходилъ

По берегу Аяччо.

А въ церкви рядомъ съ ней стоялъ

Кудрявый чортъ Петруччо;

Мигнулъ два раза, руку взялъ,

И — вмигъ сдалась Марьуччю.

Всю ночь Джанетто пилъ да пилъ:

— «Эхъ, жизнь моя, собачья!..»

А утромъ въ спину ножъ всадилъ

Петруччо изъ Аяччо..

Иза Кремеръ.

Рис. В. Л.

ПОѢЗДЪ - БАНЯ.

Германскаго образца.

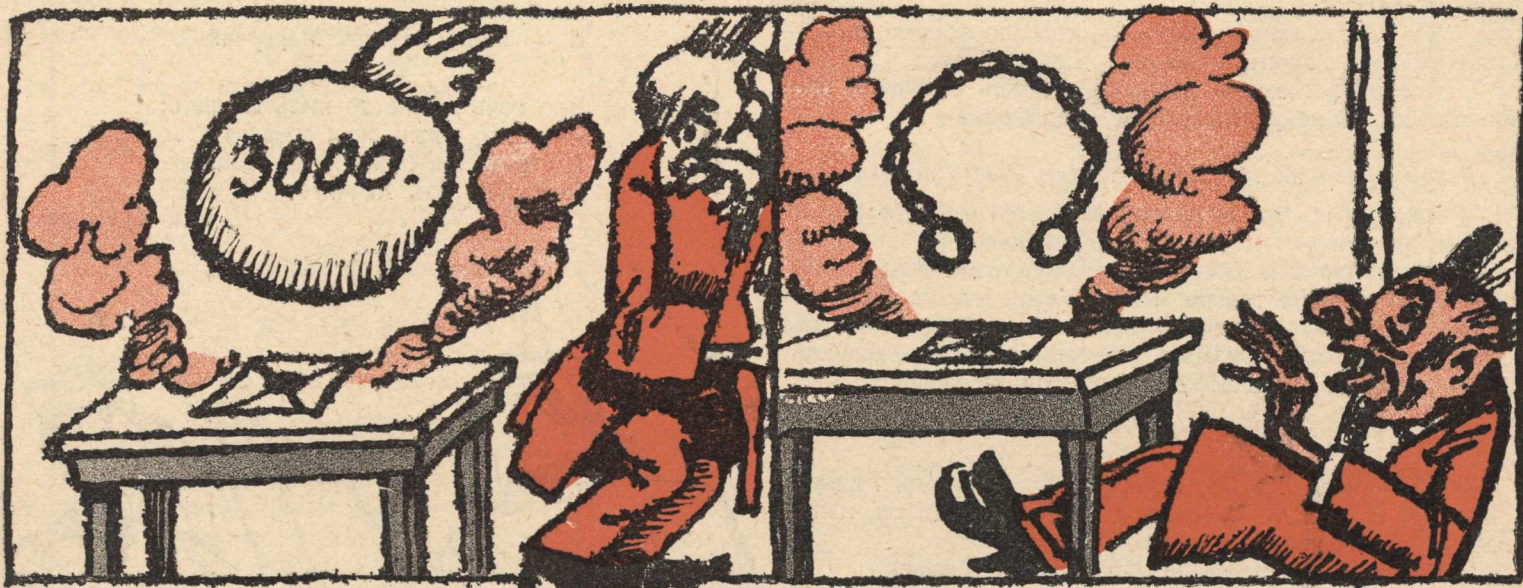
НОВО, НОВО! ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ РОССИИ!!!

Новый министр внутр. дѣлъ, А. Н. Хвостовъ помѣстил въ газетахъ письмо въ редакцію.

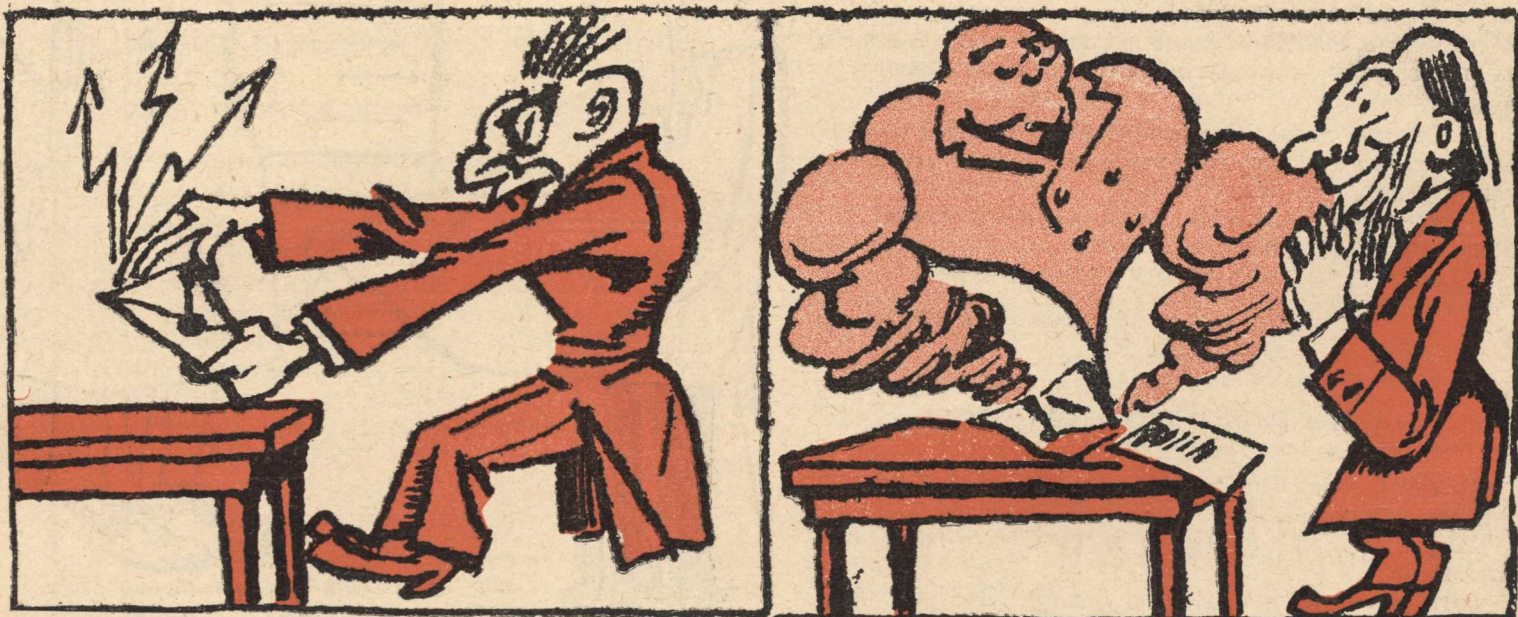
— Личное письмо отъ его Высокопревосходительства г. Хвостова, — сказалъ сторожъ секретарю редакціи. У секретаря волосы зашевелились и душа черезъ пятки ушла куда-то далеко, далеко!

— Письмо отъ г. Хвостова! — сказалъ секретарь редактору. Тихо застоналъ редакторъ. — Боже мой, что въ немъ, что можетъ быть въ немъ!!?

— Можетъ быть, три тысячи штрафа, а то и 10 тысячъ! О, что буду я тогда дѣлать!?

— Можетъ быть, кандалы, Туруханскій край?! Дѣтки мои, дѣтки, жена моя горемычная!..

Простившись со всѣми, трепещущій, умирающій отъ страха, разорвалъ редакторъ письмо...

Разорвалъ и обомлѣлъ... онъ прочелъ опроверженіе газетныхъ сообщеній о бесѣдѣ министра съ г. Савенко.

Что же это такое?! Заря новой жизни занимается? Европа въ странѣ медвѣдей поселилась?

Охъ, не избалованъ, ты, бѣдный русскій редакторъ, охъ, со-всѣмъ не избалованъ, бѣдняга.

„ЗАКОНЪ ДИКАРЯ“.

Изъ блокнота культурнаго челоѣка.

... Въ среднихъ числахъ октября,
Я внималъ на Офицерской,
Какъ внушалъ мнѣ Санинъ дерзкій
Про законы дикаря.

Что рѣшилъ я о герояхъ?...
Если былъ онъ глупымъ встарь,
Сталъ теперь глупѣе втрое
«Обзаконенный» дикарь.

... Онъ женщинъ «бралъ» и «бралъ»
Такъ прытко, ловко, скоро,
Что я сіе называлъ:
«Системою Тэйлора...»

... Театръ же хохоталъ,
И говорилъ: — умора!

Сначала взялъ Лариссу
(Другихъ, молъ, что за статья?),
Но внялъ изъ ложки «бису»
И дальше началъ «братъ».
Взялъ за Лариссой Зину
(Актриса — хоть куда!)
За ней немедля Нину.
(Срывалась иногда)...

А горничная Дуня
(Готовъ ревѣть со зла!)
До мая иль юня
Отложена была.

А деньги въ кассѣ взяли?!
— Давай an und für Sich!
Хочу купаться въ салѣ, —
А мнѣ даютъ троихъ!...

Волнуюсь и горя,
Въ фойѣ шептались дѣвы:
— О, гдѣ вы, гдѣ вы, гдѣ вы,
Законы дикаря?
Скорѣй, mesdames, спѣшимъ,
Ужель вамъ чай такъ нуженъ?
Пока мы тутъ сидимъ,
Онъ тамъ «возьметъ» пять дюжинъ.

Пусть пьеса и пуста,
Но до сердца доходитъ.
Искусство и скота
Всегда облагородить:
Марго я отыскалъ...
Искалъ ее до свѣту...

Я въ «Монте-Карло» эту
Рецензію писалъ...

Евг. Вѣнскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ газетахъ появилось письмо литератора Дим. Крачковскаго:

... По своимъ личнымъ умозаключеніямъ, я долженъ отказаться отъ сотрудничества въ журналъ „Лукоморье“. Совсѣмъ недавно мною были проданы журналу „Лукоморье“ два разсказа, и естественно, что они могутъ появиться на страницахъ „Лукоморья“ послѣ напечатанія этого моего письма.

Мы не ахти какіе защитники пресловутаго „Лукоморья“, но, все-таки, одна мысль приходитъ намъ въ голову: удобно ли литератору ставить журналъ въ такое положеніе, чтобы журналъ или долженъ былъ уничтожить разсказы, махнувъ рукой на уплаченные деньги, или напечатать ихъ, получивъ незаслуженный упрекъ со стороны недоброжелателей: челоѣкъ молъ, отъ васъ ушелъ, не хочетъ имѣть съ вами никакого дѣла, а вы, все-таки, печатаете его...

Приличнымъ нужно быть во всякомъ обществѣ.

По словамъ „Саратовск. Вѣстн.“, одна изъ исполнительницъ пьесы „Ревность“ вошла въ роль до того, что въ четвертомъ актѣ артистка (Семенова) чуть было не перешагнула черезъ рампу — вмѣсто того, чтобы уйти въ дверь, и только находчивость г-жи Живрилисъ, окликнувшей исполнительницу: „Соня, куда вы?“ — направила ее куда слѣдуетъ.

Если отъ „Ревности“ чуткая артистка хотѣла уйти, куда глаза глядятъ, то новый Арцыбашевскій „Законъ Дикаря“ даетъ исполнительницѣ печальное право прыгнуть въ суфлерскую будку или еще проще — повѣситься на колосникахъ...

ПРІЯТНЫЙ ГОСТЬ.

— Сегодня на улицѣ, противъ электрическаго фонаря, вы, Екатерина Герасимовна, сказали мнѣ, чтобы я отпросился у мамы и зашелъ къ вамъ послѣ обѣда, чтобы получить отъ васъ десять обѣщанныхъ старыхъ перьевъ, въ томъ числѣ два «Наполеона». Можно положить на столъ фуражку? Съ вашего разрѣшенія я сяду.

— Милости просимъ. Очень пріятно. Дорогой гость лучше татарина. Положите фуражку на гвоздикъ. Садитесь въ стулъ, какъ дома.

Принявъ непринужденную позу, Петя Подсвѣчниковъ выдержалъ подобающую паузу и спросилъ:

— Какіе у васъ завтра уроки?

— Арифметика, батюшка и чистописаніе. А у васъ?

— Ученье ерунда... Это я васъ такъ спросилъ. Долгъ приличія.

Прочитавъ что-то на потолкѣ, Петя сказалъ довольно неопредѣленно:

— Война-то...

Катя вздохнула.

— Да... Ни къ чему не приступишься. Прямо горе.

— Надо благодарить Бога за передвиженіе войскъ... Это хорошо знаменуетъ.

— Да... Это очень важно... Всѣ газеты сошлись.

— Откровенно говоря, — началъ Петя послѣ приличной паузы, — только привязанность къ семейнымъ формамъ удерживаетъ меня отъ бѣгства на войну.

— Вамъ очень шла бы военная форма, — томно сказала Катя, — эполеты, пистолеты, сабля и побольше медалей.

— Воюють не изъ-за медали, — замѣтилъ Петя, — а изъ-за славы. — Вообще, если я пойду на войну, я много дѣловъ надѣлаю. Могу быть, напримѣръ, переводчикомъ.

— Вы уже учите нѣмецкій?

— Могу азбуку и съ начала и съ конца сказать. Это очень важно при чтеніи газетъ.

— Охъ ужъ эта политика. Голова отъ нея кругомъ вертится.

— Что дѣлать, — покорно сказалъ Петя, — долгъ каждаго интеллигента при встрѣчѣ со знакомымъ бесѣдовать о войнѣ.

— Да... Война...

— Представьте, — сказалъ Петя, — во всемъ городѣ не найдете ни одного оловянного солдатики.

— Да... Война... — совсѣмъ тихо отвѣтила Катя.

Петя посмотрѣлъ на ногти, такъ, какъ смотритъ дядя Вася, но, не увидѣвъ ничего, кромѣ траурнаго бордюра, быстро спряталъ руки въ карманы брюкъ.

— Вы завтра съ какого урока? — спросила Катя.

— Съ пятого. Хотя я удеру послѣ четвертаго.

— Свиданіе?

— Я уже разочаровался въ женщинахъ. Скучно.

— Петя, что вы!

— Женщина отъ пеленокъ сам... сам... самоѣдка. Именно поэтому я и не люблю женщинъ...

Катя такъ громко вздохнула, что дремавшій на столѣ котъ лѣниво поднялъ голову и презрительно поинтересовался, кто именно нарушилъ его покой.

— Пойду я видно сестрой милосердія...

— Что жъ... Это отвѣчаетъ моменту.

— А когда меня убьетъ нѣмецкая пушка, не идите, Петя, за моимъ холоднымъ прахомъ.

Въ голосѣ Кати послышались слезы.

— Въ слезахъ есть вода, — сказалъ Петя. — Ее надо беречь.

— Хорошо, — покорно отвѣтила Катя, — я не буду. Экономія первое дѣло.

Петя медленно поднялся.

— Пора. Я пойду.

— Что жъ... Насильно милъ не будешь...

Молчаніе.

— А перья?

— Извольте.

— Спасибо. До свиданія.

— Заходите. Наши двери всегда нараспашку...

Послѣ ухода Пети, Катя долго стоитъ передъ зеркаломъ и думаетъ:

— Вотъ это мужчина... Да... Полюбить ли только?... Неужели я должна сдѣлать грѣхопаденіе?..

Евграфъ Дольскій.

Рис. В. Лебедева.

КНЯЗЬ ДУНДУКЪ

Пушкинская премія въ 500 руб.
присуждена Академіей Наукъ въ этомъ
году поэту В. Мазуркевичу.

У приказныхъ палатъ литературскій братъ
Собирался.
Щелкаль зубомъ, ворчалъ, на кого-то фырчалъ,
Волновался.
Расходился пить... Грозно такъ говоритъ
Въ пространство:
— Какъ тутъ славу возьмешь? Поневолѣ начнешь
Пьянство!
Пишешь томъ, пишешь два, — глядь, — и ставитъ молва
Васъ во Франсы.
Тамъ поклонниковъ тьма, вилла, яхта, дома
И... авансы...
Анъ, постой, подожди! Мазуркевичъ, — гляди, —
«Полный гений»,
Тьмы-жъ поэтовъ и — «тэссъ», уходи-ка безъ
Разсуждений!
Вотъ, Горянкій, поэтъ... а Бальмонтъ, развѣ нѣтъ?
Ну, такъ что же?
Это слѣдъ понимать... Мазуркевичъ-то, знать,
Имъ дороже!
— Разойдись! Вышелъ дьякъ, — почему кавардакъ,
Братцы?
Страсть великъ вашъ Парнасъ, я же старъ, чтобъ межъ васъ
Разобраться...
Что вы есть за народъ, кто васъ тамъ разберетъ
Я-ль приказный?
Я совѣтъ вамъ подамъ: къ намъ несите вы хламъ
Разный,
Да прошенъе при немъ (мы все къ дѣлу пришьемъ),
Да три марки, —
Черезъ годикъ, глядишь, ты со славой взлетишь
Въ Петrarки...

Дрызгунова сыновья.

ЧЕЛОВѢКЪ У ВХОДА.

Вотъ точная передача разсказа моего знакомаго.
— Вы не хуже меня знаете, какъ возятъ извозчики.
Сѣлъ я безъ пяти шесть, а когда подъѣзжалъ къ вокзалу,
до отхода оставалось восемь минутъ. Я почти бѣгомъ бро-
сился къ платформѣ.
— Вашъ билетъ?
— Какой билетъ?
— Перронный...
— Ахъ ты, Господи... Сейчасъ...
Я подошелъ къ автомату и вложилъ въ отверстіе марку.
Даже слегка подтолкнулъ ее пальцемъ. Двухминутное ожи-
даніе никакихъ результатовъ не принесло.
— Послушайте, отсюда же ничего не выльзаетъ...
— Ничего и не выльзетъ, — спокойно отвѣтилъ чело-
вѣкъ, охраняющій перронъ отъ пассажировъ, — гривенни-
комъ надо ткнуть.
— У меня нѣтъ гривенника. Автоматъ не имѣетъ права
отказываться отъ бумажной размѣнной монеты...
— Ему и говорите...
— Что же я его въ участокъ отправлю, что ли?..

— Не наше дѣло. Идите къ кассѣ, тамъ и купите...
Около кассы стоялъ уже цѣлый хвостъ ожидавшихъ на-
стоящихъ билетовъ. Если бы я всталъ въ очередь, счастли-
вый случай обладать перроннымъ билетомъ выпалъ бы на
мою долю не раньше, чѣмъ часа черезъ полтора.
— Господа, можетъ кто-нибудь уступить мнѣ очередь?..
Дежурящіе мрачно усмѣхнулись.
— Видите ли, я знакомаго провожаю, а поѣздъ черезъ
восемь... черезъ... батюшки мои... четыре съ половиной
минуты...
— Встаньте въ очередь...
— Мнѣ же только одинъ перронный билетъ...
— Вамъ съ плацкартой? — хмуро сострилъ кто-то
сбоку.
Отъ кассы я побѣжалъ снова къ охраняющему перронъ.
— Голубчикъ... Вотъ десять копеекъ... А же не
могу дожидаться... Пропустите...
— Не могу-съ.
— Ну возьмите съ меня въ залогъ что-нибудь... По-
нимаете, сейчасъ поѣздъ тронется и...

* * *

— Чѣмъ же собственно я вамъ могу помочь?
— Видите ли я хотѣлъ написать письмо въ редакцію...
— О чемъ?
— Да вотъ объ этомъ. Какъ я стоялъ около перрона и
не могъ попасть, потому что у меня не было серебрянаго
гривенника...
— Напишите.
— Какой же я литераторъ... У васъ это лучше, кра-
сивѣе выйдетъ...
— Вы что же, стихами хотите, что ли...
— Да вы не смѣйтесь. У меня не убѣдительно выйдетъ,
а у васъ связано и красиво...
— Какъ же начинать? Былъ холодный осенній вечеръ.
Сѣрое безсонное небо плакало крупными слезами, и каза-
лось, что...
— Да ужъ какъ знаете...

* * *

Написалъ онъ письмо самъ. Въ редакціи его приняли
и помѣстили гдѣ-то между другимъ письмомъ о фирмѣ съ
нѣмецкой фамиліей и благодарностью устроителя концерта
дамамъ, продававшимъ цвѣты.

Не думаю, чтобы это письмо кто прочелъ.

И я самъ вспомнилъ о немъ только третьяго дня, когда
долженъ былъ встрѣтить одного близкаго человѣка, который
пріѣзжалъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Виноватъ... Вашъ билетъ...
— Я же не ѣду...
— Перронный нужно...
— Я и забылъ...

Я уже не пошелъ втискивать въ отверстіе автомата бу-
мажную марку, а прямо подошелъ къ кассѣ. Билетъ мнѣ
получить удалось какъ разъ къ тому времени, когда, какъ я
выяснилъ позже, близкій человѣкъ ѣхалъ на извозчикѣ на
другой конецъ города, разыскивая мою прошлогоднюю квар-
тиру. Онъ же — первый разъ въ этомъ городѣ.

* * *

Дѣло, конечно, не въ человѣкѣ, стоящемъ у входа и тре-
бующемъ перронные билеты. Это навѣрно не плохой малый,
получающій скудное жалованье и дорожащій службой...
Онъ просто — прекрасный натурщикъ, съ котораго опыт-
ный художникъ могъ бы написать широкими раскидистыми
мазками дивную фигуру того, кто мѣшаетъ всѣмъ жить.

Мы куда-то теперь всё торопимся; каждый, самый рыбный загорблся. Мы хотим кого-то провожать теплыми словами, хотим кого-то встрѣтить лаской, но тупой чловѣкъ у входа не дремлет.

— Вашъ перронный билетъ.

— Видите ли...

И вы долго суете въ автоматъ бумажку, которая застряваетъ безо всякаго результата въ механическомъ горлѣ машины. Не помогаетъ. Бѣжите къ кассѣ.

— Боже мой, какая очередь...

Минуты бѣгутъ. И вы или, въ смѣшной для другихъ, злобѣ бьете кулаками по желѣзному ящику, или тупо и нервничая стоите въ хвостѣ у окошечка, за которымъ лицо зѣвающего кассира, которому на все вообще наплевать.

Можетъ быть, я написалъ непонятно — извиняюсь.

Арк. Буховъ.

МѢЩАНСКІЯ СКОРБИ.

XI.

Сознательный читатель.

Когда Петровы напьются чаю съ вареньемъ изъ сливы И со сдобными сухарями изъ хлѣбопекарни «русской», Тогда у нихъ начинается чтеніе «Родины» или «Нивы» — Никогда не видалъ семьи болѣе пошлой и узкой Въ смыслѣ пониманія произведеній литературныхъ... Я на чтеніи у нихъ присутствовалъ три раза. Петровы не могутъ воздержаться отъ негодованій бурныхъ Или восхищеній по адресу героевъ романа или разсказа. Они то смѣются, то конфузливо утираютъ слезы, Даже смотрѣтъ противно, хотя Петровъ мнѣ и пріятель. — Зато я слушаю себя сосредоточенно и, не мѣняя позы, Думаю: что же всѣмъ этимъ хочетъ сказать писатель? Фабула для меня не интересна — мнѣ интересна идея, А идею надо искать между строчекъ, какъ говорится, И, удивительно, до сихъ поръ еще не нашелъ нигдѣ я, Ну, положительно нигдѣ большого смысла, — одна водица... Да! Эти авторы наивно упускаютъ изъ виду, Что всякой чужью только запромождаютъ суть своего созданья — Зачѣмъ размазывать, что шалопай такой-то полюбилъ такую-то Лиду, Когда коротко и ясно можно сказать: любовь—страданье!

Валентинъ Горянский.

САХАРНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Предисловіе.

У насъ уже три дня нѣтъ сахара. Мысли невольно вертятся вокругъ сладкаго кризиса, и этотъ фельетонъ написанъ какъ-то самъ собой. Я даже не замѣтилъ, какъ написалъ его. Смотрю, лежитъ рукопись... Придвинулъ — «Сахарный фельетонъ». Прочелъ, не понравилось. И я не послалъ бы его въ редакцію, если бы не жена...

Когда я прочелъ женѣ фельетонъ, она обняла меня и сказала:

— Умри, Денисъ!

— Какой вздоръ! У меня есть гораздо лучшія вещи.

— Да, но онѣ не могутъ замѣнить сахара.

— А эта можетъ?

— Конечно. Вѣдь это же сахарный фельетонъ. Сахарный!...

Я подумалъ, подумалъ и отослалъ рукопись въ редакцію.

— Кто знаетъ, можетъ быть, жена и права. Вѣдь говорятъ же, что боль есть только представленіе о боли. Можетъ быть, и сахаръ есть только представленіе о сахарѣ. А если это такъ, то мой фельетонъ можетъ съ успѣхомъ замѣнить сахаръ. Попробуйте, господа, читать его за чаемъ въ тѣ жуткіе дни, когда въ домѣ нѣтъ ни песчинки сахара.

1.

— Ну, Петичка, ну, напиши рецептъ, ну, что тебѣ стоитъ...

— Пойми же ты, наконецъ, что я не могу этого сдѣлать, не могу...

— Дрова другое дѣло, дрова вещь серьезная. Да и даль я такъ, что никто не видѣлъ. А тутъ ты посылаешь прислугу въ лавку за сахаромъ и предлагаешь лавочнику ре-

цептъ на спиртъ. Да завтра же объ этомъ узнаетъ весь городъ, и меня, раба Божьяго, отправятъ въ холодненькую губернію.

— И вовсе никто не узнаетъ. Я скажу Дуняшѣ, чтобы она незамѣтно сунула рецептъ лавочнику.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не проси. Это просто смѣшно. Сегодня нѣтъ сахара, пиши рецептъ; завтра булочки французскихъ не будетъ, значить и въ булочную посылать рецептъ? Ты скоро съ извозчиками будешь расплачиваться моими рецептами... Надо было стать въ очередь и получила бы сахаръ.

— Что же мнѣ разорваться, что ли? Я стояла въ очереди на дрожжи, Анисья на муку, а Дуняша — на сахаръ. Ну, и Дуняшѣ не дали, не хватило.

— Но вѣдь у тебя песокъ есть. Не все равно?

— Да что ты рехнулся, что ли? Развѣ можно къ чаю подать песокъ? Это же страшно неприлично. Скажутъ: зовутъ на именины, а у самихъ сахара нѣтъ.

— Зато будетъ водка и вино...

— А я хочу, чтобы и сахаръ былъ. Ну, доставь мнѣ это удовольствіе, ну, миленькій!... — Ольга Николаевна нѣжно обняла мужа.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пусты, звонокъ! Навѣрно, больной ко мнѣ...

2.

— У васъ, голубчикъ, сахарная болѣзнь, — сказалъ докторъ студенту. — Вамъ надо серьезно лѣчиться. Нужна строгая діета: прежде всего запрещаю вамъ сахаръ...

— Нельзя сахара? — испуганно спросилъ студентъ. — Не можетъ быть!...

— Ни въ какомъ случаѣ. Да его кстати и нѣтъ. — Улыбнулся докторъ.

— А я только что съ такимъ трудомъ досталъ пиленого сахара. Часа три стоялъ въ очереди.

— А гдѣ этотъ сахаръ? — съ любопытствомъ спросилъ докторъ.

— Въ передней оставилъ.

— Ну, я его у васъ конфискую, — засмѣялся докторъ, — а то вы не утерпите и напьетесь съ нимъ чаю. Пойдемте-ка въ переднюю.

Докторъ и студентъ вошли въ переднюю и остановились въ изумленіи.

На столикѣ передъ зеркаломъ лежалъ развернутый сахаръ, а надъ нимъ склонилась Ольга Николаевна и внимательно его разсматривала. На лицѣ у нея было восхищеніе. Она такъ увлеклась, что не замѣчала вошедшихъ.

— Оля, что это значитъ? — спросилъ докторъ.

— Ахъ!... — вскрикнула Ольга Николаевна, страшно смутившись. — Это вашъ сахаръ? — спросила она студента. — Ради Бога простите, что я развернула его. Мнѣ страшно захотѣлось полюбоваться имъ, я уже двѣ недѣли не видѣла пиленого сахара.

— Пожалуйста, любуйтесь! — сказалъ студентъ и засмѣялся.

Засмѣялся и докторъ.

— Этотъ молодой чловѣкъ очень добрый, онъ уступаетъ тебѣ весь свой сахаръ.

— Правда? — радостно воскликнула Ольга Николаевна. — Ахъ, какъ я рада, рада!... Какой же вы милый! Пойдемте, я васъ за это угощу чаемъ съ вашимъ сахаромъ...

— Ему нельзя съ сахаромъ, онъ боленъ. — сказалъ докторъ.

— Ну, съ вареньемъ... Вы какое любите?..

— И съ вареньемъ нельзя...

— Ну... ну... ну, тогда я васъ сладко поцѣлую. — Ольга Николаевна звонко чмокнула студента въ щеку. — Надѣюсь, это ему можно? — спросила она насмѣшливо у мужа.

Тотъ поморщился и отвѣтилъ:

— Да, это единственная сладость, которая разрѣшается при сахарной болѣзни. Ну, юноша, пойдемте, потолкуемъ о лѣченіи.

Ольга Николаевна жадно схватила сахаръ и, ликующая, побѣжала въ столовую.

Послѣсловіе.

Ну, что, господа, права моя жена? Сладко вамъ отъ моего сахарнаго фельетона?

Думается мнѣ, что фунтъ сахара лучше всякаго фельетона.

Даже сахарная писанка, старая, запыленная писанка, подаренная на позапрошлой Пасхѣ, и та лучше сахарнаго фельетона. Ужъ, повѣрьте.

В. Черный.

ДИКОЕ МЯСО.

— Хриплый лязг сабель...
 — Что такое?!
 — Хриплый лязг сабель.
 — Но... послушайте, это же — чепуха!
 — Совершенно с вами согласен. Но вот поэт Николай Агнивцев по этому поводу держится иного мнения.

Въ его стихотворении „Отчизна“ такъ таки и напечатано:

...не мало вражьихъ сабель
 Обломилось съ хриплымъ лязгомъ
 На (о?) груди твоей широкой,
 О, Россія, о Россія!

Спрашивается: какой длины уши должны быть у человека, чтобы онъ могъ слышать то, что отъ насъ, людей съ ушами обыкновеннаго размѣра, скрыто?

Когда у Осипа, Хлестаковского лакея, спрашивали, зачѣмъ онъ подбираетъ всякую дрянь: веревочки и пр., онъ отвѣчалъ:

— Ну, такъ что жъ, что веревочка? И веревочка можетъ пригодиться!

Поэтъ Николай Агнивцевъ Хлестаковскому Осипу — съ родни. По крайней мѣрѣ, чѣмъ инымъ объясните вы присутствіе веревки въ слѣдующемъ его стихотворении:

О, родина моя,
 Великая Россія,
 Зеленые поля
 И тучи грозовыя!
 Немѣренный просторъ,
 Веревкой (?) обнесенный (!)

Пригодилась веревочка!

Эта, а также и верхняя цитаты — взяты нами изъ только что вышедшей книги стиховъ Агнивцева: —

„Подъ звонъ мечей“,
 которую слѣдовало бы назвать нѣсколько иначе:
 „Подъ звонъ потертыхъ пятаковъ“.

До такой степени изобилуетъ она этого рода добромъ. Ничего живого, ничего оригинальнаго!

Впрочемъ, виноватъ: оригинальнаго — тьма!
 Не угодно ли?

Не мало валяется вражьихъ макушекъ
 Въ расчѣлинахъ Черной Горы.

— Почему: „макушекъ“?

— Потому что въ предыдущемъ куплетѣ фигурируютъ „пушки“.

Очень просто.

Далѣе:

— Кто сказалъ, что я малъ?! — не сержусь на дружка!
 Пусть въ груди у меня два вершка, —
 Хватитъ мѣста для пули въ ней и для креста (!)
 Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та!

Увы, „тра-та-та“ преждевременно! Никто и не собирается вѣшать Агнивцеву крестъ въ грудь; гораздо проще — поставить на немъ крестъ.

Далѣе слѣдуетъ: 1) совѣтъ „перековать жеманные сонеты на (въ?) звонкій мечъ“ (о томъ, какъ это слѣдуетъ, поэтъ благоразумно умалчиваетъ); 2) крейсеръ, ныряющій, словно вьюнъ, 3) псина, лѣзущая со слѣпу въ берлогу; 4) пушка, не знающая осячки... и пр., и пр.

Вплоть до такого прекраснаго истинно-народнаго оборота:

— Эй, Вань, лихая жизнь твоя,
 Куснемъ по пирогу?

Видно, что плотно пристроились парни къ военному пирогу...

Истребитель младенцевъ

Иродъ Теткинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Провинція.

Въ газетѣ „Иркутская Жизнь“ напечатана слѣдующая замятка, озаглавленная: — „Не анекдотъ, а фактъ“:

На дняхъ въ Иркутскѣ произошелъ такой случай.

Служащій одного изъ банковъ Н. пришелъ въ магазинъ обуви Н. и попросилъ показать ему сапоги для мальчика.

Дѣло было въ субботу. Покупателю показали и назначили цѣну 6 рублей.

Г. Н. взялъ сапоги и попросилъ снести ихъ домой для при-мѣрки.

Вещь оказалась впору.

Но такъ какъ это было вечеромъ въ субботу, а въ воскресенье магазины закрыты, то г. Н. принесъ сапоги и деньги 6 рублей въ понедѣльникъ.

Въ магазинѣ заявили, что теперь эти сапоги стоятъ не 6 рублей, а 7 р. 50 коп.

Не имѣя при себѣ лишнихъ 1 р. 50 к., г. Н. отправился домой и во вторникъ утромъ, идя на службу, занесъ въ магазинъ 7 р. 50 к., но въ магазинѣ ему заявили, что цѣна за день поднялась еще на 1 р. 50 к.

Пришлось уплатить девять рублей...

А что если бы сапоги лежали не до вторника, а до субботы?..
 Во сколько бы они оцѣнивались?

На послѣдній вопросъ не трудно отвѣтить. Если бъ этотъ магазинъ находился въ Петроградѣ — несчастнаго покупателя не стали бы затруднять изъ-за какихъ-то полутора рублей.

Ему сразу сказали бы съ чисто петроградской вѣжливостью:

— 32 рубля съ, господинъ.

Только медленный темпъ провинціальной жизни заставляетъ увеличивать цѣны всего на 1 р. 50 коп. въ день.

Въ Петроградѣ эти мирныя, чисто-провинціальныя повадки давно забыты...

Нина Исидоровна.

Ну, вотъ, скажемъ, о губернаторахъ намъ не позволяютъ писать ничего этакаго... нехорошаго.

А о губернаторшахъ можно? Онѣ вѣдь лица, чортъ возьми, неофициальныя!

Да и не мы о нихъ пишемъ, а Ник. Ашешовъ о нихъ пишетъ... Мы только цитируемъ.

Вотъ что пишетъ г. Ашешовъ о вологодской губернаторшѣ Нинѣ Исидоровнѣ Лопухиной (имя даже полностью выписалъ):

Г. Лопухинъ принужденъ извиняться за свою супругу. Г. Лопухину приходится довольно часто ликвидировать такимъ путемъ дѣла супруги, такъ что вологодскій губернаторъ не столько управляетъ губерніей, сколько извиняется за свою управляющую губерніей супругу.

У всякаго человѣка своя профессія, и не мы первые ки-немъ камень въ бѣднугу-губернатора...

Нѣсколько лицъ изъ общества совершили преступленіе противъ г-жи Лопухиной. Не прибѣгая къ высокому покровительству губерна-торши, они организовали въ лазаретахъ, не находящихся въ ея вѣдѣ-ніи, концерты и различныя увеселенія для раненыхъ солдатъ. Горя ревностью, г-жа Лопухина прежде всего запретила краснокрестнымъ раненымъ посѣщать эти увеселенія, а затѣмъ организовала свои. Понадобилось для этого помѣщеніе. Недолго думая, губернаторша отправляется въ зданіе дворянскаго собранія, но находитъ его запер-тымъ. Призываетъ слесаря и приказываетъ ему открыть двери. Когда двери были вскрыты, то тотъ же слесарь отмычкой вскрылъ и рояль. Обо всемъ этомъ предводитель дворянства составилъ протоколъ и доложилъ дворянскому собранію. А губернатору опять, въ сотый разъ пришлось ѣхать къ предводителю и извиняться за свою экспан-сивную супругу.

У Достоевскаго губернаторъ вышивалъ по тюлю. Это, такъ сказать, сидячая должность. Должность вологодскаго губернатора полна движенія: онъ ѣздитъ и извиняется за свою супругу.

Дальше Ник. Ашешовъ рассказываетъ:

Въ то время, какъ ея супругъ, при посѣщеніи лазаретовъ, отмынно деликатенъ и, конечно, ко всемъ сестрамъ милосердія обращается на „вы“, губернаторша не знаетъ другого мѣстоименія, кромѣ „ты“. Одной сестрѣ приказано было дежурить въ домѣ губернаторши. Три дня неизвѣстно на какихъ основаніяхъ исполняла сестра роль горничной губернаторши. Спать же ей пришлось въ ватеръ-клозетѣ на асфальтовомъ голомъ полу...

Губернаторша заставляетъ сестеръ открывать дверцы кареты, въ которой ѣздитъ.

Нѣмецкая аккуратность.

Какой-то досужій человѣкъ изъ американскаго журнала подсчиталъ всѣ потери русскихъ ранеными, убитыми и плѣн-ными — при чемъ всѣ цифры бралъ изъ нѣмецкихъ офи-ціальныихъ источниковъ...

Знаете, что получилось?

Въ результатѣ этого подсчета оказалось, что сумма выведенныхъ нѣмцами изъ строя русскихъ превосходитъ на 1.000.000 человѣкъ общее количество мобилизованныхъ Россіей войскъ.

Чего же нѣмцы дремлютъ: разъ въ Россіи не осталось не только ни одного солдата, но даже и штатскихъ выбыть цѣлый миллионъ — приходили бы они и забирали бы всю Россію голыми руками.

Математики, а дураки.

Англо-саксы и просто саксы.

Газеты рассказываютъ объ удивительно заботливомъ отно-шеніи англичанъ къ германцамъ — военно-плѣннымъ.

Англичане отличаются особымъ джентельменствомъ. Недавно комендантъ одного изъ англійскихъ лагерей написалъ своему гамбург-скому colleg'у, между прочимъ, слѣдующее: „Находящійся въ моемъ лагерѣ германскій лейтенантъ Н. почему-то очень груститъ за послѣд-нее время. Приписываю это долговременному отсутствію писемъ отъ его супруги. Прошу васъ запросить супругу лейтенанта, почему она не пишетъ своему мужу“.

А нѣмецкій комендантъ, если замѣтитъ, что русскій плѣн-ный груститъ, то поступить онъ проще: сниметъ съ него са-поги и наплюетъ въ супъ изъ крахмальной муки.

* * *

Ново!! Ново!! Анекдоты о великих людях! Просимъ
другія газеты перепечатать!

Потрясающая „Волчья Ягода“ подъ заглавіемъ:

Новый Гарунъ-аль-Рашидъ

или

министръ, а держится какъ простой человѣкъ.

Первый разъ въ здѣшнемъ городѣ!

По сообщенію „Раннего Утра“

на выставкѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ произошелъ курьезный инцидентъ, относящійся къ главному управляющему земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошенну, который явился на выставку совершенно скромно безъ всякихъ официальныхъ предупрежденій. При входѣ онъ не былъ узнавъ, и ему пришлось взять билетъ, какъ и всей прочей публикѣ.

Да что вы говорите?!!

Неужели?

Чортъ насъ знаетъ, какой мы крѣпкій народъ, сатирик-концы. Другихъ эта трогательная картина умиляетъ до слезъ, а мы — хоть бы что.

Дѣйствительно, удивились бы мы и очень — въ другомъ случаѣ, — если бы министръ попробовалъ проскочить зайцемъ безъ билета...

Приказано не принимать.

Фердинанду Болгарскому знатные родственники уже отказали отъ дому:

По матери Фердинандъ Кобургскій состоитъ въ родствѣ съ герцогами Орлеанскими.

Но Орлеаны уже отказались отъ родства съ подлымъ ренегатомъ. Отъ имени всего этого дома, нѣкогда царствовавшего во Франціи, Фердинандъ Орлеанскій, герцогъ Монпансе на-дняхъ официально написалъ письмо Фердинанду Кобургскому, съ заявленіемъ, что всѣ Орлеаны впредь не считаютъ себя родственниками лакея нѣмцевъ и турокъ.

Узнавъ это, Фердинандъ повѣсилъ носъ. По-нашему — одного носа для этого даже мало.

Фонъ-Дитмаръ.

Поистинѣ, мы никогда еще не видѣли, чтобы человѣкъ съ не-русской фамиліей поступалъ такъ истинно по истинно-русски:

Въ Харьковѣ имѣется заводъ, которому были заказаны необходимые предметы для обороны.

Заказъ, сдѣланный губернскимъ комитетомъ всероссійскаго земскаго союза, не былъ выполненъ во-время.

По исполненіи же образцовъ заказа былъ представленъ такой счетъ, что онъ превышалъ въ три-пять разъ существующія цѣны на заказанные предметы.

Харьковскія газеты, возмущаясь подобнымъ „патріотическимъ счетомъ“, называютъ фамилію хозяина этого завода. Это Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, членъ Государственного Совѣта.

Г. фонъ-Дитмаръ состоитъ также товарищемъ предсѣдателя центрального военно-промышленнаго комитета, вѣдающаго всѣми военными заказами.

Г. фонъ-Дитмаръ разсуждаетъ вполне правильно: когда въ домѣ пожаръ — будетъ ли кто считать стоимость разбитыхъ для локализациі пожара стеколъ?!

Есть имена, которыя только потому не могутъ быть занесены на золотую доску, что золото не выдерживаетъ блеска этихъ именъ и тускнѣетъ рядомъ съ ними.

Золотыя слова.

Вотъ что сказалъ одному интервьюеру министръ внутр. дѣлъ А. Н. Хвостовъ:

Я возлагаю, — сказалъ А. Н. Хвостовъ, — большія надежды на прессу.

Я считаю, что не только нравственная обязанность, но святой высокій долгъ печати, подвергая критикѣ, пусть даже и безпощадной, все то, что заслуживаетъ таковой, въ то же время прилагать всѣ усилія къ поддержанію въ населеніи настроенія бодрой увѣренности въ благополучномъ исходѣ всѣхъ кризисовъ.

А вотъ возьмемъ мы да и начнемъ въ каждомъ номерѣ „Нов. Сат.“ эти самыя слова перепечатывать, чтобы тѣ, кому надо, не забыли ихъ.

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ ЧИНОВНИКЪ КУТЬКИНЪ СДѢЛАЛСЯ НАТУРЩИКОМЪ.

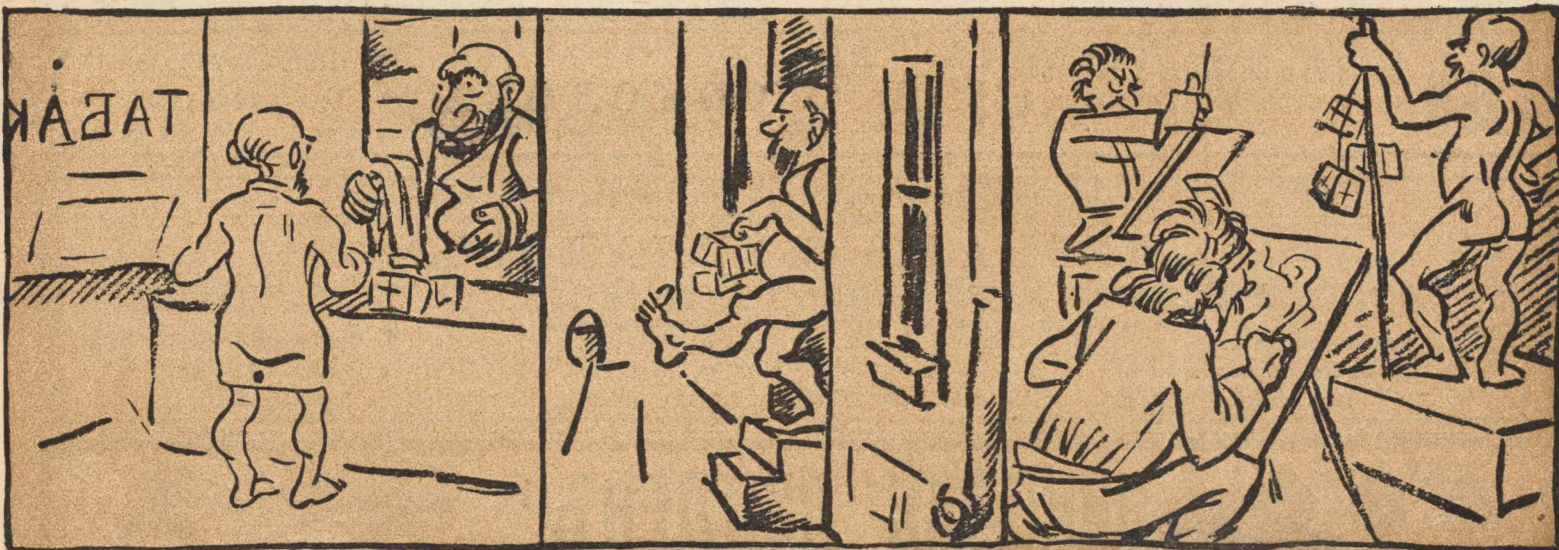
Рис. Н. Радлова.

Онъ покупалъ сахаръ... Купецъ снялъ съ него пальто...

Оттуда отправился въ мясную лавку... Мясникъ снялъ пиджакъ...

Въ зеленой и фруктовой сняли почти все. Оставили — исподнее...

Табакъ оставилъ его въ одной рубашкѣ...

И когда онъ, придя домой, опомнился...

... то, что ему иное оставалось дѣлать?..

НЕВРАСТЕНИКЪ.

Король Лиръ, Гамлетъ, Ромео и Юлія,
Какія это драмы, — одна страшнѣй другой!
Не меньшую пережилъ въ іюлѣ я,
Когда твоимъ тираномъ сталъ другой!

Ахъ, какое мнѣ дѣло, что человѣчество плѣнное,
По своей глупости живетъ какъ въ аду!
Вѣдь въ іюлѣ во мнѣ умерла вселенная,
Когда ты сказала: «Нѣтъ, не приду!»

Я російскій житель, съ издерганными нервами.
Несу проклятья за чей-то давній грѣхъ.
Пощекочите же меня пасхальными вербами,
Пусть мои морщины разглядить смѣхъ!

Кто укажетъ честно, гдѣ мои пророки,
Которые повели бы къ свѣтлому «могу».

Скажите, умные,—что если пропущены всѣ сроки?..
И правъ только кричащій, — цыцъ, ни гу-гу!

Поползу я къ шкапу и раскрою книги.
Буду въ морѣ фразъ спокойствіе искать,
Можетъ быть, съ души моей вериги
Европейцы мнѣ помогутъ снять.

О, какое глупое занятіе, звонъ денегъ
Жадно слушать, имѣя пустой карманъ.
Вѣдь на російской почвѣ Гамлетъ — неврастеникъ,
Вѣдь на російской почвѣ Нитцше — хулиганъ.

А. Радаковъ.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконтъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Вышелъ № 29 большого иллюстрированного еженедѣльника новаго типа

„ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ“.

Въ № помѣщены статьи и обзоры: Ситалець. Монологи и парадоксы. — М. Чуносъ. Книжныя цѣнности. — Евг. Вѣскій. Пародія. — Н. Василевскій (Не-Буква).
Голосъ души. — И. Накатовъ. Наша эпоха. — Арк. Буховъ. Очередная желчь. — Л. Фортунатовъ. Камешки въ лобъ. — П. Михайловъ. Сучки и задоринки. —
Сергѣй Недолиня. Вдохновенный отчетъ. Рисунки, иллюстраціи, мелочи, вермишель.

Пробный номеръ высылается за одну 10 коп. марку. Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Редакторъ И. Василевскій (НЕ-БУКВА).

Продолжается подписка на 1 годъ — 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 р. 50 к., на 1 мѣс. — 55 коп.

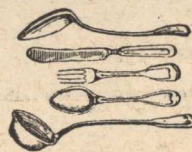
Адресъ Главной Конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій 63, тел. 169-55.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Салонъ въ Свѣтлости Русской Литературы

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ и художественныхъ магазинахъ

БОЛЬШАЯ МНОГОКРАСОЧНАЯ
КАРТИНА-ШАРЖЪ ХУД. РЕ-МИ

на современныхъ литераторовъ.

На каррикатуры изображены: 1) А. Измайловъ. 2) І. Ясинскій. 3) П. Боборыкинъ. 4) И. Потапенко. 5) П. Невѣжинъ. 6) Георгій Чулковъ. 7) Сергѣй Городецкій. 8) В. Трахтенбергъ. 9) А. Рославлевъ. 10) Корнѣй Чуковский. 11) Леонидъ Андреевъ. 12) Гр. А. Толстой. 13) А. Волынский. 14) Борисъ Лазаревскій. 15) Анатолій Каменскій. 16) А. Куиринъ. 17) Н. Брешко-Брешковскій. 18) Алексѣй Ремизовъ. 19) А. Будищевъ. 20) В. Дорошевичъ. 21) Юрій Бѣляевъ. 22) М. Кузьминъ. 23) Вас. Немировичъ-Данченко. 24) Скиталецъ. 25) Аркадій Аверченко. 26) Тэффи. 27) Семень Юшкевичъ. 28) Валерій Брюсовъ. 29) В. Короленко. 30) Федоръ Сологубъ. 31) Осипъ Дымовъ. 32) Максимъ Горькій. 33) К. Бальмонтъ. 34) В. Розановъ. 35) Вячеславъ Ивановъ. 36) Д. Мережковский. 37) Д. Философовъ.

Размѣръ каррикатуры 80×35 с./м.

Картина отпечатана на лучшей полотняной бумагѣ въ тип. Р. Голике и А. Вильборгъ.

Цѣна каррикатуры 3 руб.

КАРМАННАЯ БИБЛИОТЕКА

Сочиненія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Выпускъ I.

А. С. ГРИНЪ.

Выпускъ I.

Происшествіе въ улицѣ Пса.

Цѣна 40 коп.

Издательство „Новый Сатириконъ“ Невскій просп. № 88.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Тэффи.

„Неживой звѣрь“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

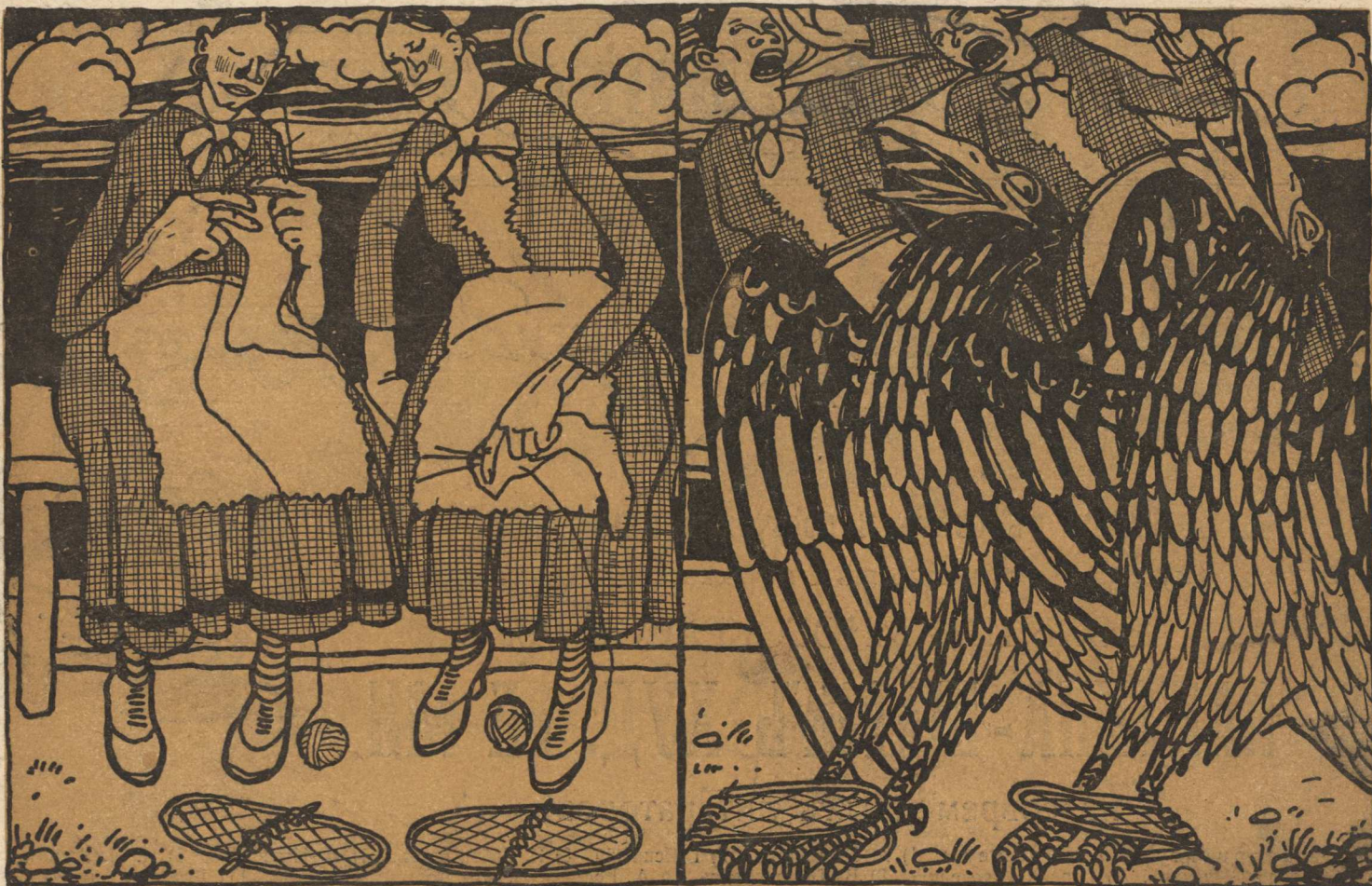
ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

СЪЮЩІЙ ВЪТЕРЬ — ПОЖИНАЕТЪ БУРЮ...

Добродѣтельныя нѣмецкія фрау давно уже не видѣли ни одного аиста, который по повѣрю приносить дѣтей... И рѣшили поставить для него силки...

Поставили... И... вотъ, во что превратился старый добрый нѣмецкій аистъ!..

Ф А Б Р И К А.

„Въ Германіи изъ лазаретныхъ отбросовъ (повязокъ, ваты и т. п.) дѣлають взрывчатыя вещества“.

Вильгельмъ (привѣтствуя толпу раненыхъ, вернувшихся съ передовыхъ позицій): — Вотъ фабрика, которую рускіе расширяють съ кажды́мъ днемъ!